

© 2025. Ольга Панова

*Институт мировой литературы им. А.М. Горького РАН,
Москва, Россия*

**Р. Райт и Ф.М. Достоевский:
«Преступление и наказание» как претекст романов
«Сын Америки» и «Посторонний»**

© 2025. Olga Yu. Panova

*A.M. Gorky Institute of World Literature of the Russian Academy of Sciences,
Moscow, Russia*

**Richard Wright and Fyodor Dostoevsky:
*Crime and Punishment as a Praetext
of Native Son and The Outsider***

Информация об авторе: Ольга Юрьевна Панова, доктор филологических наук, ведущий научный сотрудник, Институт мировой литературы им. А.М. Горького Российской академии наук, Поварская ул., д. 25А, стр. 1, 121069 г. Москва, Россия.

<https://orcid.org/0000-0002-2520-120X>

E-mail: olgapanova65@mail.ru

Благодарности: Исследование выполнено в Институте мировой литературы имени А.М. Горького Российской академии наук при поддержке гранта Российского научного фонда № 23-18-00393 «Россия / СССР и Запад: встречный взгляд. Литература в контексте культуры и политики в XX веке» (<https://rscf.ru/project/23-18-00393/>).

Аннотация: Классик афроамериканской литературы XX века Ричард Натаниэль Райт (1908–1960) считал Ф.М. Достоевского своим главным литературным учителем. С романов Достоевского начался путь Райта в литературу. Достоевский оказал решающее влияние на творческую индивидуальность афроамериканского прозаика. В конце 1920 — начале 1930-х годов Райт, занимаясь самообразованием, сначала прочел в библиотеках, а затем приобрел для своей домашней библиотеки все большие романы Достоевского и два сборника его малой прозы (в переводе К. Гарнетт). Роман «Преступление и наказание»

стал претекстом для двух главных романов Райта — «Сын Америки» (*Native Son*, 1940) и «Посторонний» (*The Outsider*, 1953). В этих произведениях сюжетостроение (использование элементов формулы криминального и детективного романа, «поединки» преступника и следователя и т.д.), система персонажей, философская и этическая проблематика, множественные аллюзии и реминисценции явно указывают на первоисточник. При этом Райт, разумеется, не «копирует» Достоевского, но, отталкиваясь от его тем и метафор, наполняет их новым материалом и новым смыслом, передавая специфику афроамериканского опыта. Сопоставление «Сына Америки» и «Постороннего» друг с другом и с первоисточником — романом Достоевского позволяет проследить, как в творчестве Райта совершался переход от социального «романа протеста» 1930 – начала 1940-х годов к экзистенциализму второй половины 1940 – 1950-х годов, к сложной символике и претворению расовой проблематики в универсальную образность. При этом именно идейно-образный комплекс, восходящий к Достоевскому, обеспечивал цельность писательской индивидуальности Райта на протяжении всей его творческой биографии.

Ключевые слова: Ричард Райт, Ф.М. Достоевский, русско-американские литературные связи, влияние, экзистенциализм, роман, «Преступление и наказание», «Сын Америки», «Посторонний».

Для цитирования: Панова О.Ю. Р. Райт и Ф.М. Достоевский: «Преступление и наказание» как претекст романов «Сын Америки» и «Посторонний» // Достоевский и мировая культура. Филологический журнал. 2025. № 1 (29). С. 220–243. <https://doi.org/10.22455/2619-0311-2025-1-220-243>

Information about the author: Olga Yu. Panova, DSc in Philology, Leading Researcher, A.M. Gorky Institute of World Literature of the Russian Academy of Sciences, Povarskaya st., 25A, bld. 1, 121069 Moscow, Russia.

<https://orcid.org/0000-0002-2520-120X>

E-mail: olgapanova65@mail.ru

Acknowledgments: The research was carried out at A.M. Gorky Institute of World Literature of the Russian Academy of Sciences with financial support of the Russian Science Foundation, grant no. 23-18-00393 “Russia / USSR and the West Viewing Each Other: Literature in the Context of Culture and Politics in 20th Century” (<https://rscf.ru/project/23-18-00393/>).

Abstract: Richard Nathaniel Wright repeatedly acknowledged that Dostoevsky was his literary mentor, and that he owed much of his literary career to reading Dostoevsky. Dostoevsky shaped Wright’s intellectual, moral and aesthetic quest, and his individuality as an author. In the late 1920s–early 1930s Wright, engaged in self-education, read in public libraries and later acquired Dostoevsky’s most acclaimed novels and two collections of his short prose (translated by C. Garnett). Wright’s two major works, *Native Son* (1940) and *The Outsider* (1953) were strongly influenced by Dostoevsky’s *Crime and Punishment*. Striking similarities between Dostoevsky’s and Wright’s novels are evident in plot construction (detective story formula, provocative chatters of the criminal and the detective, etc.), setting, atmosphere, characters and their relationships, as well as in philosophical dilemmas and conflicts. Multiple allusions and reminiscences in Wright’s novels emphasize their close connection with

the source text. Wright, however, does not copy Dostoevsky, but features powerful, typically Wrightian scenes focusing on the experience of an African American and, more broadly, 20th century Western man. Comparative analysis of *Native Son*, *The Outsider* and their source text, *Crime and Punishment*, reconstructs Wright's journey from Marxism and social protest novel to Existentialism and philosophical novels with their complex symbolism and transformation of racial issues into universal metaphor of the human condition. "Dostoevskian complex" in Wright's prose is a mark of integrity and individuality, something that shaped his literary genius and made his works easily recognizable.

Keywords: Richard Wright, F.M. Dostoevsky, Russian-American literary connections, influence, Existentialism, novel, *Crime and Punishment*, *Native Son*, *The Outsider*.

For citation: Panova, O.Yu. "Richard Wright and Fyodor Dostoevsky: *Crime and Punishment* as a Praetext of *Native Son* and *The Outsider*." *Dostoevsky and World Culture. Philological journal*, no. 1 (29), 2025, pp. 220–243. (In Russ.) <https://doi.org/10.22455/2619-0311-2025-1-220-243>

Влияние Достоевского на творчество Ричарда Райта стало общим местом еще при жизни Райта в рецензиях и критике 1940–1960-х годов, и до сих пор в литературоведческих статьях и монографиях, в том числе и отечественных (см. например: [Башмакова, 2013, с. 595–640], [Морозова, 2013]), эта тема скорее обозначается, чем изучается, констатируется как всем известная истина. Среди огромного массива литературы, посвященной Райту, глубоких исследований проблемы «Райт и Достоевский», основанных на тщательном изучении фактического материала и развернутом сопоставительном анализе текстов, очень немного. К тому же обычно упоминалось и описывалось воздействие Достоевского на Райта в целом, хотя это воздействие является настолько масштабным и всесторонним, что требует дифференцированного подхода, проработки целого ряда частных аспектов, что позволило бы постепенно воссоздать общую картину. Рассматривая роль «Преступления и наказания» в качестве претекста двух самых знаменитых романов Райта, мы постараемся суммировать существующие наработки и предложить некоторые собственные соображения, а также попутно проследить, как происходило знакомство будущего афроамериканского классика с классиком русской литературы.

Жизненный и творческий путь Ричарда Натаниэла Райта (1908–1960) — яркий пример успеха и сбывшейся «американской

мечты»: происходивший из социальных низов и, к тому же, из расового меньшинства, Райт сумел реализовать свой талант, достиг общенациональной и мировой славы, был принят как равный в литературных и, шире, интеллектуальных кругах США и Европы. Райт родился на плантации в штате Миссисипи неподалеку от городов Рокси и Начез¹. Его отец Нейтен Райт (1880–1940) был фермером-издольщиком, мать Элла Уилсон-Райт (1884–1959) — школьной учительницей. С шести лет Райт рос без отца, который ушел от них с матерью в 1914 году; в этом отношении (безотцовщина, женское воспитание) семья будущего писателя была типичной для чернокожих жителей сельского Юга². Из-за постоянных переездов и болезни матери Райт до 12 лет ходил в школу урывками и не получал систематического образования. В 1920 году будущий писатель вместе с матерью и младшим братом поселился у бабушки в Джексоне, столице штата Миссисипи, где прожил пять лет — до 1925 года и где впервые стал регулярно посещать школу; учился он блестяще, хотя нередко конфликтовал с одноклассниками и учителями. Суровый нрав, фанатическая религиозность бабки, принадлежавшей к секте адвентистов Седьмого дня, побои и прочие наказания, которым подвергались дети, сделали Райта озлобленным, замкнутым подростком и навсегда отвратили от религии и веры. «<...> он страдал от интеллектуального голода, поскольку бабушка Уилсон сжигала все книги, которые он приносил домой, разбила детекторный приемник, который он смастерил, проявив недюжинную изобретательность, потому что из него слышалась “дьявольская” музыка. <...> Однако хотя Райт и бунтовал против веры, казавшейся ему бессмысленной, противоположной простым жизненным радостям, он не был совсем невосприимчив к той мощной силе воздействия, которой обладает религия. Церковные догмы не смогли подчинить себе его дух, но форма оставила на нем свой отпечаток», — пишет биограф Райта Мишель Фабр, перечисляя эти «формы» (библейские сюжеты, драматически-напряженные проповеди, духовные гимны-спиричуэлс, притчи), и добавляет: «Так или иначе, но Райт никогда не упускал случая подчеркнуть влияние

¹ Биографические сведения приводятся с опорой прежде всего на хронику жизни и творчества Р. Райта [Kiuchi, Nakutani, 2014] и Райтовскую энциклопедию [Richard Wright Encyclopedia, 2008].

² Эта характерная особенность афроамериканских семей, отмеченная, в частности, крупнейшим черным социологом-классиком Ф. Фрэнзиером [Frazier, 1939], сложилась со времен рабства: часто отца продавали отдельно, мать — вместе с ребенком.

адвентистского мировидения, отстраненного, надмирного взгляда, который впоследствии обусловил его интерес к экзистенциализму»³ [Fabre, 1973, p. 34–35, 36]. Пребывание в среде адвентистов привело к тому, что «Райт стал воспринимать литературу как нечто запретное, писателя — как преступника, и это постоянно присутствует в его сочинениях» [Fabre, 1973, p. 65].

Самостоятельную жизнь Райт начал в 17 лет: в конце 1925 года, уехав в Мемфис, штат Теннесси, он нашел там работу мойщика посуды и стал опорой семьи, которой отправлял большую часть своего жалования. С весны 1926 года он стал регулярно читать крупнейшие литературные журналы — «Atlantic Monthly», «Harper's», «American Mercury». Заинтересовавшись статьями великого критика Г.Л. Менкена, главного редактора «American Mercury», Райт взял в библиотеке его «Книгу предисловий» (Book of Prefaces, 1917) и том «Предрассудков» (Prejudices, 1919–1927), и они стали его первым настоящим «гидом» в мире литературы. Райта поразили стиль Менкена, его блестящее владение словом; читая Менкена, он узнал о существовании десятков авторов, в первую очередь современных, и их книг, которые он запоем стал читать в местной библиотеке. Здесь он впервые прочел Достоевского — роман «Бедные люди» [Fabre, 1990, p. 40]⁴. В ноябре 1927 года Райт принял решение уехать с расистского Юга: он обосновался в чикагском черном гетто Саут-сайд и сумел получить престижное для афроамериканца место почтового служащего. Этот опыт был использован им для романа «Посторонний» (The Outsider, 1953), главный герой которого Кросс Деймон тоже сотрудник почты в Чикаго. Однако начинается экономическая депрессия, и Райт теряет работу; зато у него появляется время для занятий: весной 1931 года он заканчивает последний класс школы и много времени уделяет чтению, знакомясь, помимо прочего, с русскими классиками (в переводе Констанс Гарнетт), в том числе с сочинениями Л. Толстого и произведениями Достоевского («Бесы», «Записки из подполья») [Fabre, 1990, p. 40], [Kiuchi, Nakutani, 2014, p. 37, 43]. В июле 1933 года Райт присоединился к только что образованному Чикагскому клубу Джона Рида, вступил в компартию США (декабрь 1933) и стал

³ Здесь и далее перевод иностранных источников мой. — О.П.

⁴ М. Фабр прослеживает хронологию и последовательность знакомства Р. Райта с творчеством Достоевского в ряде своих исследований [Fabre, 1973, p. 170–171], [Fabre, 1985, p. 20–21].

постоянным участником заседаний литературной секции Клуба. К этому моменту он уже всерьез нацелен на писательскую карьеру и, чувствуя настоятельную необходимость продолжать самообразование, становится постоянным посетителем отделения им. Джорджа Кливленда Холла Чикагской публичной библиотеки. В это время он прочел «Преступление и наказание» и «Братьев Карамазовых»⁵.

Интерес Ричарда Райта к классической и современной русской литературе в этот период оказывается тесно связан с его левыми взглядами, его интересом к СССР и с его советскими контактами. В его круг чтения входит коммунистическая и левая американская периодика («New Masses», «Left Front», «Daily Worker») и выпускаемый в Москве журнал «Интернациональная литература» (англоязычная версия), орган Международного объединения революционных писателей (МОРП). Помимо русской классики XIX века он читает Горького, некоторых советских писателей (в первую очередь то, что публикуется в англоязычной «ИЛ»), а также следит за советской критикой, в особенности за тем, что пишут в СССР о Достоевском. Вот одно из свидетельств этому: Уолт Кармон, американский коммунист, редактор и критик, три года (1932–1936) работавший в Москве выпускающим редактором английской версии «ИЛ», на рубеже 1930–1940-х был главным посредником в общении Райта с советскими литературными организациями (Союзом писателей, редакциями журналов). В своих письмах Кармон постоянно подчеркивал горячий интерес новой литературной знаменитости, чернокожего писателя-коммуниста, к Горькому и Достоевскому. В начале осени 1940 года, например, Кармон пишет главреду «ИЛ» Т. Рокотову:

Поскольку Вы спрашивали нашего мнения об английской версии «Интернациональной литературы», может быть, Вас заинтересует вот что: Райт прочел и несколько раз перечитал статью Владимира Ермилова⁶ «Горький и Достоевский» в номерах 3–4. Он все время

⁵ George Cleveland Hall library — отделение публичной библиотеки Чикаго, названное так в честь афроамериканского врача и общественного деятеля Джорджа Кливленда Холла (1864–1930) и располагающее специальной «негритянской коллекцией».

⁶ Владимир Владимирович Ермилов (1904–1965), литературный критик, один из секретарей РАПП, член редколлегии журнала «На литературном посту» (1928–1932), главный редактор журналов «Молодая гвардия» (1926–1929) и «Красная новь» (1932–1938), после войны ставший главным редактором «Литературной газеты» (1946–1950). Постоянный участник «проработок» и погромных кампаний в литературе; после снятия его с поста

носит ее с собой, перечитывает ее, каждый раз, как только выдается свободная минута между собраниями и написанием пьесы, над которой он работает. Он считает эту статью классическим образцом критики. Думаю, Вам будет приятно узнать об этом, как и автору статьи. Еще я подумал, что Вы будете рады узнать об особом интересе Райта к Достоевскому. Между ними есть сродство, которое ваши советские критики легко распознают⁷.

Райту понравилась статья В. Еримова «Горький и Достоевский» (опубл. «Красная новь», № 4–6 за 1939 г.), английский перевод которой вышел в англоязычной версии «Интернациональной литературы» (№ 3–4 за 1940 г.). А 27 декабря 1942 года «Владимир Еримов из Москвы шлет Райту 27-страничную телеграмму, где высоко оценивает то, что Райт сказал о Достоевском, когда председательствовал на заседании Лиги американских писателей» [Kiuchi, Nakutani, 2014, p. 140] 2 марта 1941 года. На этом заседании, где происходило чествование Теодора Драйзера, Райт упоминал Достоевского в числе величайших писателей мира.

Райт прочел все переведенные на английский произведения Достоевского — и большие романы, и короткую прозу, и публицистику; на протяжении всей жизни он продолжал пополнять свое личное собрание изданий Достоевского⁸.

Авторитетный американской славист Дейл Петерсон, говоря и влиянии на Райта русской прозы, рассматривает путь афроамериканского классика как «движение от Горького к Достоевскому», или, иначе говоря, от марксизма / коммунизма к экзистенциализму [Peterson, 2017]. Модель эффектная, но все же факты биографии Райта и его сочинения не укладываются в эту красивую схему. Влияние Достоевского на Райта присутствовало изначально (с 1927 года), было тотальным, мощным, и не будет преувеличением сказать, что именно Достоевский во многом сделал Райта как писателя. Сам Райт открыто признавал и повторял это на протяжении всей своей жизни. Вот лишь несколько примеров. В автобиографической книге

главного редактора «Красной нови» за «грубую политическую ошибку» (публикацию повести М. Шагинян «Билет по истории») стал сотрудником Института мировой литературы АН СССР, работал над диссертацией о М. Горьком.

⁷ У. Кармон — Т. Рокотову. 19.09.1940. РГАЛИ. Ф. 1397. Оп. 1. Ед. хр. 841. Л. 195. Перевод с англ. мой.

⁸ Список изданий Достоевского, приобретенных Райтом, см. в приложении.

«Черный» (*Black Boy*, 1945) Райт несколько раз говорит о Достоевском как об авторе, который сформировал его как личность, научил его особому видению мира. Вскоре после выхода романа «Посторонний» в интервью «L'Express» Райт сказал: «Из всех писателей больше всего для понимания современного человека, состояния его ума и души, мне дал Достоевский» [Wright, 1955, p. 8]; за три недели до смерти он снова повторил эту мысль: «Первым среди авторов, сформировавших мое философское понимание современного человека, был Достоевский <...> Раскольников — один из моих героев» [Wright, 1960]. В одном из последних радиоинтервью Райт вспоминал о начале своего творческого пути:

Как мне было найти образцы или идеи, которые могли бы пролить свет на жизнь в черном гетто? Я начал изучать художественную литературу и натолкнулся на русских романистов, в первую очередь на Достоевского, Тургенева, Толстого. И я сразу понял: вот писатели, которые обращаются к жизни напрямую. В их произведениях было что-то сильное, прямое, реалистичное, натуралистичное. <...> Что для меня роман? Средство расширить, усилить наше чувство жизни. Чем прямее, тем яснее. Чем сильнее, тем яснее. Чем больше драматизма, тем больше личного. У Достоевского я нашел много идей в этом отношении. Некоторые говорят, что его романы устарели, что это писатель, который принадлежит прошлому, но он создал великие, полные драматизма произведения, где люди прямо и страстно вступают в общение друг с другом. Когда я начинал писать, я учился у Достоевского, он был для меня образцом. <...> он придал мне решимости попробовать (The American Novel. Transcript of a radio broadcast on ORTF, Paris, October 1960) [Conversations, 1993, p. 214].

Особую близость Райта к Достоевскому, схожесть их темперамента, мировидения, повествовательной манеры, колорита и атмосферы их произведений и целый ряд других близких черт (внимание к типам «маленького», «униженного и оскорбленного» человека, отверженного изгоя, «социопата», интерес к «душевному подполью», к феномену преступления, пристрастие к литературной формуле криминального романа и/или детектива, философичность и т.д.) постоянно отмечала американская литературная критика, причем это началось еще до появления первого романа Райта «Сын Америки»: «Как и Достоевский, автор незабываемого романа “Пре-

ступление и наказание”, Дик Райт не обязательно должен был на собственном опыте пережить описанные в его рассказах эпизоды, сцены жестокости, мучений и всех видов эксплуатации негров. Его роман, который скоро появится, не является автобиографичным» [Minor, 1938, p. 13]. А после публикации «Сына Америки» сравнение Райта с Достоевским настойчиво звучит как в рецензиях и интервью —

Ричард Райт — негр, который закончил от силы восемь классов школы, был скверным парнем, мел улицы и копал канавы по программе Федеральных общественных работ, а теперь его сравнивают с Достоевским, Драйзером и Джоном Стейнбеком. Он — автор «Сына Америки», хорошего романа о плохом негре <...> (Negro Hailed as a New Writer. New York Sun, 1940 March 4.) [Conversations, 1993, p. 28]

— так и в переписке: например, через несколько дней после выхода «Сына Америки» известный писатель и левый активист Нельсон Олгрэн (Nelson Algren), знавший Райта еще по чикагскому Клубу Джона Рида, написал ему прочувствованное письмо, в котором уверял, что «Сын Америки» тронул его даже больше, чем «Преступление и наказание»⁹. Роман «Посторонний» точно так же провоцировал параллели с Достоевским.

Я начала интервью, выразив свое восхищение «Посторонним» и заговорила о Достоевском. Это сравнение вовсе не шокировало Райта: «Понятия преступления и наказания — из числа тех, что больше всего меня волнуют. Я возвращаюсь к этой теме и в романе “Долгий сон”»¹⁰.

Роман «Преступление и наказание», который стал наиболее известным и популярным произведением Достоевского в Европе и США, занимает совершенно особое место в художественном мире Райта. Первый перевод «Преступления и наказания» на английский язык (1886) появился спустя двадцать лет после русской публика-

⁹ Источник: Nelson Algren to Richard Wright. 12.03.1941. Цит. по: [Kiuchi, Hakutani, 2014, p. 93].

¹⁰ Brierre, Annie. Richard Wright. America Is Not Conformist: It Renews Itself Endlessly. 1960, Sept.–Oct. Цит. по: [Conversations, 1993, p. 208–209].

ции¹¹, затем последовало издание 1911 года (London: J.M. Dent, серия "Every Man's Library"). Однако широкое знакомство англоязычной читающей публики с Достоевским произошло благодаря переводам Констанс Гарнетт, появившимся во второй половине 1910 – начале 1920-х годов¹². Ричард Райт читал «Преступление и наказание» именно в этом переводе, и этот перевод (New York: Modern Library, 1932 г.) он приобрел для своей домашней библиотеки.

Роман «Преступление и наказание» стал претекстом двух главных шедевров Райта — «Сын Америки» и «Посторонний». Первый из этих романов создавался в США, когда Райт еще состоял в компартии, работал в органе КП США газете «Daily Worker» и был заместителем председателя прокоммунистической Национальной писательской лиги США. Второй был написан уже после войны, в эмиграции, во Франции, куда Райт переехал в 1946 году и где прожил оставшиеся 14 лет своей жизни.

Дебютный роман Райта стал настоящим потрясением для американских литературных кругов: такого оглушительного успеха никто не мог ожидать от писателя-коммуниста, да еще и чернокожего. В первые три недели была продана четверть миллиона экземпляров — цифра ошеломляющая. Но это не было мимолетной, случайной удачей: «Сын Америки» остался в истории литературы как один из самых значительных американских романов XX века.

В дебютном романе в полной мере проявились все характерные приметы «демонического гения»¹³ Райта — его пристрастие к мрачным, темным краскам, умение полностью завладеть вниманием читателя и поддерживать его в постоянном напряжении, острозаметность в сочетании с изощренным психологизмом и глубиной социально-философской проблематики, обилие проявлений насилия, жестокости, умелое управление аффектами читателя, которого Райт не щадит и часто подвергает «шоковой терапии». Однако эти прие-

¹¹ Dostoevsky, Fedor. *Crime and Punishment. A Russian Realistic Novel* / transl. by Frederick Whishaw. London: Vizetelly, 1886. Перевод британца Фредерика Джеймса Уишо (1854–1934) был выполнен с французского издания 1884 года (Dostoevski, Fiodor. *Crime et le châiment*, traduit du russe par Victor Derély. Paris: Hachette, 1884), вышел в апреле 1886 года в Британии, а в октябре того же года был выпущен американский тираж.

¹² В переводе Констанс Гарнетт (Constance Garnett, 1861–1946) было издано многотомное собрание сочинений Достоевского: *The Novels of Fyodor Dostoevsky*. London: Heinemann, 1912–1921. «Преступление и наказание» вышло в 4 томе в 1914 году.

¹³ Одной из самых влиятельных и на сегодняшний день остается биографическимуарная книга писательницы Маргарет Уокер, близкой знакомой и сотрудницы Райта, «Ричард Райт: демонический гений» [Walker, 1988].

мы не являются самоцелью: с их помощью Райт «поднимает вопрос о глубинной природе человека» (ultimate nature of man) [Margolis, 1968, p. 82], опираясь при этом на уроки, преподанные ему Достоевским: «Личного опыта Ричарда Райта было бы достаточно, чтобы создать историю о Биггере Томасе и без знания “Преступления и наказания”, однако “Сын Америки” был бы гораздо менее сложной и захватывающей книгой, если бы ее автор не прочитал Достоевского» [Magistrale, 1986, p. 59].

Сходство «Сына Америки» с «Преступлением и наказанием» на уровне сюжета и системы персонажей бросается в глаза и неоднократно констатировалось рецензентами, критиками, исследователями. В обоих романах присутствуют элементы формульности, а именно, черты детектива, и при этом оба детектива «неправильные» (убийца известен с самого начала). В центре обоих романов молодой человек из бедной среды, совершающий двойное убийство; в итоге преступление оказывается раскрыто, преступник пойман, осужден и наказан. В обоих романах жертвы преступления — две женщины. Раскольников убивает Алену Ивановну и Лизавету топором, а Биггер, нечаянно задушивший Мэри, топором расчленяет ее тело, чтобы сжечь его в топке котельной. У обоих героев нет отца, их семья — это мать и сестра, причем рассудительность и моральный консерватизм сестры оказывают на брата заметное влияние. Параллели обнаруживаются и в образах города («Петербург Достоевского» и Саут-сайд, негритянское гетто Чикаго; тесные, грязные, убогие комнаты, где живут герои). Как и Достоевский, Райт использует символику сновидения, чтобы передать внутреннее смятение преступника и подавленные угрызения совести¹⁴.

Однако роль «Преступления и наказания» в архитектонике «Сына Америки» не ограничивается внешним сходством (сюжет, система персонажей и т.п.). Как и Достоевского, Райта интересует духовная, моральная и социальная подоплека преступления, причины, побуждающие человека переступить запрет и последствия этой трансгрессии. На этом глубинном уровне видно, как шли процессы освоения и трансформации претекста, и становится ясно, что «Сын Америки» строится как текст, во многом последовательно полемичный по отношению к «Преступлению и наказанию». Герои

¹⁴ См. сопоставительный анализ снов Раскольникова и Биггера: [Magistrale, 1986, p. 64–65].

Достоевского и Райта очень разные («высококолый» рефлексирующий интеллект Раскольников — и малограмотный люмпен Биггер, находящийся во власти бессознательных импульсов), и разнятся их преступления. Райт, как и Достоевский, берет идею преступления, как деяния, связанного с поиском идентичности, свободой и самоутверждением личности (это настолько очевидно, что было отмечено даже советской критикой сразу после публикации русского перевода «Сына Америки»¹⁵). Однако у Достоевского преступление Раскольникова становится итогом длительного поиска, у Райта же первое убийство лишенный рефлексии герой совершает случайно — его поведение реактивно, импульсивно, обусловлено инстинктом самосохранения: он вовсе не намеревался убивать дочь своего работодателя Мэри Долтон, а лишь старался сделать так, чтобы его присутствие ночью в комнате белой девушки прошло незамеченным. Раскольников руководствуется идеей, рациональными и этическими построениями; поведение Биггера определяют усвоенные бессознательно, еще в раннем детстве, табу, нарушение которых чревато насильственной смертью (линчеванием). Раскольников стремится переступить запрет, Биггер, напротив, делает все, чтобы запрет не нарушить. Совершенное Раскольниковым преступление ведет к разрушению личности и духовной смерти («Я себя убил, а не старушонку! Тут так-таки разом и ухлопал себя навеки!» [Достоевский, 1972–1990, т. 6, с. 322]), от которой спасти может лишь покаяние (метанойя). В случае с Биггером непреднамеренное убийство «запускает» процесс самопознания, самостроения; преступление становится для Биггера актом созидания через разрушение (*creation through destruction*). Второе убийство — своей черной подружки Бесси — Биггер совершает уже сознательно и расчетливо. Как формулирует Райт, «он убил дважды — и создал для себя новый мир» (*he has murdered twice and created a new world for himself*) [Wright, 1940, p. 278]. В этом отношении Райт не только предтеча американского национального варианта экзистенциализма, акцентировавшего тему насилия (*violence*), но и в широком смысле наследник своей национальной традиции, в которой насилие изначально трактуется как эрзац духовности [Slotkin, 1973]. Благодаря

¹⁵ «Из всех законов капитализма Биггер хорошо усвоил лишь то, что “человек человеку волк”. Отсюда именно необычайный, зоологический индивидуализм Биггера, для которого, как и для иных героев Достоевского, его личные интересы как бы стоят в центре мироздания» [Рокотов, 1941, с. 155].

совершенным преступлениям Биггер начинает ощущать себя полноценным, свободным человеком, личностью, творцом своей судьбы, а также открывает, что может влиять и на судьбы других людей:

Так близко подходили к нему опасность и смерть, что он не мог представить себе — неужели все это случилось с ним? И все-таки, несмотря на все, покрывая все, осталось у него какое-то смутное, но живое ощущение собственной силы. Он сделал это. Он был всему причиной. Эти два убийства были самыми значительными событиями за всю его жизнь. Он жил, жил полно и по-настоящему, что бы там ни думали другие, глядя на него своими слепыми глазами. Никогда еще ему не приходилось до конца нести ответственность за свой поступок; никогда еще его воля не была так свободна, как в эти сутки страха, смерти и бегства [Райт, 1981, с. 241–242].

Итак, духовный путь Биггера после преступления противоположен пути Раскольникова. Здесь явственно проступает глубокое отличие художественных миров христианского писателя Достоевского — и атеиста Райта, видящего в религии инструмент порабощения и «опиум для народа»: «Чем для Бесси было виски, тем для матери служила религия. А он не хотел сидеть на церковной скамье и распевать гимны, как не хотел заваливаться в угол и спать» [Райт 1981, с. 242–243]. Тем не менее, оба романа, и Достоевского, и Райта, нацелены на опровержение идеологий, ставящих личность и ее поведение в прямую зависимость от внешнего, средового фактора (критика позитивизма у Достоевского, марксизма у Райта). Биггер пойман, посажен в тюрьму; коммунисты дают ему своего адвоката Бориса Макса, который собирается строить защиту на тезисе, что в преступлении виновен не Биггер, а классовое и расовое угнетение. Биггер долго не может уразуметь суть линии защиты, а поняв, негодует и настаивает, что убил именно он, что ответственность лежит на нем (а не на капиталистическом обществе и расовой дискриминации). В день казни Макс навещает Биггера, и тот признается, что не боится умирать, поскольку прожил свою жизнь не зря.

— Я не хотел убивать! — закричал Биггер. — Но то, из-за чего я убил — это *мое*! Оно сидит во мне самом, потому я и убил! Оно глубоко там сидит, иначе бы я не стал убивать... <...> Если уж человек убивает, значит, есть из-за чего... Я только тогда узнал, что живу на

свете, когда так ясно почувствовал все, что за это убил [Райт, 1981, с 415].

Биггер говорит Максу, что отказавшись от содеянного, он потеряет и себя как личность, и тот мир, который он создал такой страшной ценой, потому что совершенные им преступления — краеугольный камень этого мира и фундамент его личности. Так в финале преступление Биггера окончательно квалифицируется как идейное преступление, акт протеста и самоутверждения, «философское убийство», в котором герой Райта, в отличие от героя Достоевского, вовсе не раскаивается, а, напротив, дорожит содеянным, считая его главным событием своей жизни, своим вторым рождением.

В «Сыне Америки» нет героини, подобной Соне Мармеладовой, но все же есть персонаж, благодаря которому Биггер впервые узнает, что значит милосердие: это друг Мэри, молодой коммунист Джан Эрлейн, который, несмотря на боль утраты, прощает убийцу своей возлюбленной и вместе с адвокатом старается сделать все, чтобы избавить его от электрического стула. Биггер долго не может понять и принять это непостижимое для него великодушие белого человека, но в конце концов именно благодаря Джану перед самой смертью ему открывается опыт сострадания, понимания и любви, и последнее, о чем Биггер просит Макса перед смертью — «Передайте... Передайте мистеру... Передайте Джану привет...» [Райт, 1981, с. 416].

«Сын Америки» в 1940 году воспринимался как социальный «роман протеста» (protest novel) в духе «красных тридцатых»; однако сквозь эту матрицу уже просматриваются контуры философского экзистенциалистского романа — предвосхищение творческой манеры Райта парижского периода 1950–1960-х. Первый роман Райта, особенно его третья часть «Судьба» (Fate), поражает сходством с «Посторонним» Камю — размышления Биггера в тюрьме, беседы с адвокатом Максом, речи на суде, реакция осужденного убийцы на приговор... Это чисто типологическое сходство: повесть Камю еще не была опубликована, когда Райт писал «Сына Америки», а Камю не читал роман Райта, когда сочинял историю Мерсо. С Сартром и Камю (и с их творчеством) Райт познакомился в 1946 году, когда они выступали с лекциями в США, и продолжал поддерживать знакомство, а временами довольно тесное общение с ними, поселившись

в Париже¹⁶. Своему второму (и первому, созданному в эмиграции) роману Райт дал программное название «Посторонний» (*The Outsider*), расставив ловушку для критиков, которые тут же «попались» в нее и стали рассматривать райтовского «Постороннего» как иллюстрацию идей французского экзистенциализма, усвоенных обосновавшимся во Франции писателем [Bontemps, 1953], [Glicksberg, 1958], [Lehan, 1959], [Widmer, 1960]. Однако если отрешиться от ассоциаций, которые провоцирует название, становится очевидно, что в этом романе гораздо сильнее ощутимо влияние Достоевского, нежели Сартра или Камю — что и было отмечено биографом Райта М. Фабром:

Экзистенциализм Райта никоим образом не может быть сведен к его контактам середины 1940-х – середины 1950-х с группой французских экзистенциалистов. Его интерес к экзистенциалистскому мировоззрению присутствовал и до, и после этих контактов. С одной стороны, в таких произведениях, как «Сын Америки» и «Черный», уже выражен экзистенциальный взгляд на мир в духе Достоевского, связанный с травмирующим, опасным опытом афроамериканцев. С другой стороны, вторая половина жизни Райта отмечена искренним интересом к Кьеркегору и Хайдеггеру, к немецкой школе экзистенциализма, и это стало столь же органичной частью его *Weltanschauung*, как ранее — марксизм [Fabre, 1985, p. 159].

Целый ряд исследователей вскоре солидаризировался с этим мнением.

Утверждение, что «Посторонний» Райта — роман в духе французского экзистенциализма, скорее, результат спекуляций, а не научного подхода. Благодаря тщательному биографическому исследованию Мишеля Фабра, мы представляем себе развитие Райта как мыслителя и художника. Нигилизм Деймона восходит не к Сартру, а к Ницше, Достоевскому и немецким экзистенциалистам, которых Райт читал еще в 1930-х. Достоевский оказал глубокое влияние на Райта, который признавал, что Достоевскому он обязан знанием психологии современного человека. Это влияние ясно прослеживается в «Постороннем». Кросс Деймон — это соединение Ивана Карамазо-

¹⁶ См. главу «Райт и французский экзистенциализм» в: [Fabre, 1985, p. 158–175].

ва и Раскольникова. Он мыслит, как Иван, но мотивы его бунтарства те же, что у Раскольникова. Бунт Деймона — метафизический, как и бунт Карамазова. Оба они исходят из тезиса «если Бог умер, то все позволено». Раскольников идет на убийство, чтобы понять, «тварь ли он дрожащая, или право имеет». Деймон тоже хочет испытать себя [Cobb, 1979, p. 372].

М. Александер также утверждает, что роль Сартра и Камю в создании «Постороннего» (да и последующих романов) была минимальной, в отличие от роли Достоевского, которого Райт считал величайшим романистом в мире [Alexander, 1971, p. 53]. На тех же позициях стоят Майкл Ф. Линч, М. Блоштейн и еще ряд исследователей [Lynch, 1996], [Bloshteyn, 2001].

Главный герой романа «Посторонний», афроамериканец, носящий говорящее имя Кросс Деймон¹⁷, — человек XX века, стремящийся к самопознанию и к полной, ничем не ограниченной свободе. При этом в начале романа он опутан сетью обязательств и житейских проблем (неурядицы на работе, нежелательная беременность любовницы, тяжелые отношения с матерью). Он остро ощущает свое одиночество, отчуждение и постоянно возвращается к мыслям о самоубийстве. Чудом выжив после крушения поезда в метро, Кросс, которого все считают погибшим, называет себя именем другого, давно умершего человека (Лайонел Лейн — это имя он прочел на одном из могильных надгробий), и начинает новую жизнь. Проверя себя и утверждая свою абсолютную свободу, он совершает ряд убийств. Кросс переезжает из Чикаго в Нью-Йорк, где оказывается среди коммунистов, тоже «посторонних». Хотя он согласен с этими другими «посторонними» в том, что власть является центральной реальностью общества и что «человек не представляет собой ничего особенного», он возмущен их циничной эксплуатацией этих «фактов». Атака Райта на компартию и левую идеологию, а также финал (убийство коммунистами Кросса Деймона) высвечивает еще один, даже более очевидный, чем «Братья Карамазовы», претекст

¹⁷ Cross — крест, demon — слегка измененное demon или daemon (англ.). Имя и фамилия героя ассоциируются со словосочетанием «распятый демон» (crucified demon). Вместе с тем, интерпретируя говорящее имя персонажа, стоит помнить о многозначности слова demon / daemon — демон, бес, сатана, дьявол, искушитель, даймон (сверхъестественное существо в древнегреческой мифологии), злой дух, гений. Именно это слово использовала в названии своей биографической книги о Р. Райте хорошо знавшая его афроамериканская писательница Маргарет Уокер («Richard Wright: Daemonic Genius. A Portrait of a Man», 1988) [Walker, 1988].

«Постороннего» — роман Достоевского «Бесы». Отвергнув религию, традиционные общественные и моральные ценности, равно как и предложенную коммунистами альтернативу — тоталитаризм с его спланированным, организованным насилием, признавая лишь безграничный индивидуализм свободного сознания, которому все дозволено, Кросс надеется найти последнюю опору в любви, но его избранница Ева, выслушав признания своего возлюбленного и поняв, кто он и каков на самом деле, в отчаянии и ужасе совершает самоубийство.

«Посторонний» полон подчеркнуто точных и слишком очевидных параллелей с романом-претекстом: Кросс Деймон — интеллектуальный рефлексирующий герой в положении униженного «маленького человека» (скромный почтовый служащий в Чикаго) и в разладе со своим окружением; он сознательно совершает убийства с целью испытать себя и проверить свою идею. Мир Деймона — это мир свободы без Бога, в котором «все позволено» [Shelby, 2019]; как эхо этого знаменитого афоризма звучит утверждение Кросса Деймона: «Разве, черт возьми, не ясно, что на этой земле мы можем творить все, что нам понравится!» (We can do damn well what we please on this earth) [Wright, 1991, p. 483].

Множество параллелей с «Преступлением и наказанием» присутствует и в системе персонажей (см. подробнее [Lynch, 1996, p. 258–259]). Функцию Сони Мармеладовой в этом романе Райт поделил между двумя героинями: это проститутка Джени, которая готова отправиться с Кроссом хоть на край света, и Ева, вдова убитого Кроссом расиста Херндона, любящая и сострадательная натура, которая, однако, оказалась не в силах вынести исповедь убийцы. Райт при помощи ряда деталей (например, Кросс, рассказывая о себе, тоже встает на колени перед Евой) подчеркивает параллели со сценой признания Раскольников Соне. Роль Свидригайлова выполняет Хилтон: он угрожает Кроссу разоблачением, а его откровенный цинизм и имморализм контрастно оттеняют сложность и раздвоенность главного персонажа. В «Постороннем» присутствует и психологическая дуэль со служителем закона, который точно знает, кто преступник, и затевает с ним игру в кошки-мышки: на протяжении романа Кросс ведет сократические диалоги с окружным прокурором Илаем Хьюстоном — единственным достойным собеседником, который глубоко понял натуру убийцы-философа и знает о его преступлениях (но пока не собрал нужных доказа-

тельств). М. Линч называет Хьюстона «прямой, но бледной копией» Порфирия Петровича: «Хьюстон схож со своим литературным прототипом, он тоже наделен интеллектуальной и психологической проницательностью, но остается плоским персонажем, лишенным ироничности и обаяния, присущих Порфирию» [Lynch, 1996, р. 259]. Как и у Достоевского, Хьюстон все время держит преступника в напряжении, но, в конце концов, прекратив игру, прямо советует Кроссу прийти с повинной, чтобы спастись от мучений, которых ему не избежать, если он останется на свободе:

<...> ты — сам себе закон <...> и клянусь Богом, я предоставлю тебе возможность жить по этому закону <...> И ты сам себя накажешь, ясно? Ты — сам себе закон и сам себе судья [Wright, 1991, р. 571].

М.Ф. Линч, тщательно сопоставивший «Постороннего» с романами Достоевского, перечисляет и анализирует ряд сюжетных ходов и сцен, в которых явно просматриваются параллели с «Преступлением и наказанием» [Lynch, 1996, р. 258–261] — это и беседы Кросса с Хьюстоном, и письмо Кроссу от его матери, и «лекция» атеиста и нигилиста Хилтона, перекликающаяся со знаменитыми словами Свидригайлова о вечности как бане с пауками:

Ты идеалист наизнанку. Ты все пытаешься нащупать какую-то общую концепцию, чтобы связать всю жизнь воедино. А ничего этого нет, Лейн. <...> Наша жизнь в этом мире такова, какой мы ее делаем, что мы делаем, то и получается. Кроме этого больше нет ничего, совсем ничего. Думать, что есть что-то еще, — глупость. Вести себя так, будто есть что-то еще, — сумасшествие [Wright, 1991, р. 401].

Но несмотря на все очевидные, обширные, настойчиво акцентируемые параллели с «Преступлением и наказанием», в «Постороннем» Райт тоже переосмысляет роман-претекст — он «бросает вызов Достоевскому, споря с его тезисом о преступнике, одержимом муками совести и чувством вины» [Lynch, 1996, р. 257]. Кросс Деймон вовсе не сломлен своими преступлениями, напротив, его демоническая натура черпает новые силы в каждом акте насилия и переступания границ, и с каждым убийством он приобретает все более явные черты «сверхчеловека», «утверждая свою свободу в моральном вакууме обезбоженного мира» [Lynch, 1996,

р. 257], где никакая внешняя сила не способна укротить «постороннего» — лишь он сам может судить о себе и судить себя. Кросс не обнаруживает в себе ни зла, ни греха, ни вины, ни раскаяния, несмотря на множество убийств, которые он совершает, расчетливо и хладнокровно. Ни торжество высшего нравственного закона, ни торжество земного правосудия так и не наступает. Демонический Кросс убит «бесами»-коммунистами, и в небытие его провожает Хьюстон, который саркастически интересуется у умирающего, как он оценивает прожитую жизнь. Кросс выпускает дух со словами: «Я невинен... Вот в чем ужас» (*I am innocent... That's what made the horror*) [Wright, 1991, p. 586]. Трудно не согласиться с выводом, что «Райт вводит элементы “Преступления и наказания” в свой роман главным образом для того, чтобы высветить свой спор с Достоевским и подчеркнуть достойную сожаления “невинность” индивида, который утверждает себя своей волей в мире без Бога» [Joyce, 1986, p. 137]. В отличие от Раскольникова, преступник Райта безнадежно утратил веру и лишен той защиты, которая есть у героя Достоевского: высший нравственный Закон, установленный Богом для сотворенной им человеческой природы, и отражение этого Закона в тех безусловных ценностях, на которых держится общество и которые охраняются его законами и моралью. Раскольников в результате своего «эксперимента» приходит к необходимости покаяния; Кросс, совершая убийства, не чувствует никакой вины. Он не переступает никаких запретов и границ — для него их просто нет, а потому остается невинным¹⁸, и в этом состоит «ужас» его положения: он «один только выкидыш», чужой среди людей, утративший человеческое начало.

Достоевский видит в потере веры источник величайшей опасности как для отдельной личности, так и для общества; эта же мысль звучит и в «Постороннем»: атеизм подталкивает индивида к ничем неограниченному своеволию, является причиной морального распада, социального хаоса. И Достоевский, и Райт солидарны в убеждении, что это демонический путь, ведущий в «баню с пауками», что это путь в ничто, в небытие. При этом Достоевский верит в невозможность безнаказанно переступать границы, установленные Творцом для человеческой природы. Для атеиста Райта этой

¹⁸ Р. Райт был хорошо знаком с концепцией вины К. Ясперса; теме вины и ответственности как связующей, объединяющей силе, посвящена повесть Райта «Человек, который жил под землей», в которой выражен глубокий скепсис Райта в отношении идей немецкого философа.

«страховки» не существует: он не обнаруживает никаких препятствий для трансгрессии моральных и социальных норм, не видит, где его «этический преступник» мог бы найти защиту от морального вакуума и расчеловечивания, каким путем он мог бы прийти к покаянию, нравственному возрождению и восстановлению разорванных коммуникаций.

Атеистический экзистенциализм Райта, гораздо более радикальный и бескомпромиссный, чем у Сартра, Камю или Ясперса, позволяет проследить, как элементы (и даже целые «блоки»), заимствованные у Достоевского, становятся частью иной конструкции и начинают работать на создание нового смысла. Прослеживая роль и функцию наследия Достоевского в творчестве Райта, мы видим, как функционирует «генетический код» культуры, наблюдаем диалектику сохранения, воспроизводства и переозначивания, которая и обеспечивает преемственность, и генерирует новые художественные миры.

ПРИЛОЖЕНИЕ

ИЗДАНИЯ Ф.М. ДОСТОЕВСКОГО В ЛИЧНОЙ БИБЛИОТЕКЕ Р. РАЙТА

Источник: [Fabre, 1990, p. 38–39]

1. «Преступление и наказание»:

Crime and Punishment. Translated from the Russian by Constance Garnett. New York: Modern Library, 1932. Приобретено после 1943 г. Зачитанные страницы — начало 5 главы 4 части.

2. «Записки из мертвого дома»:

The House of the Dead: A Novel in Two Parts. Translated from the Russian by Constance Garnett. New York: Macmillan, 1919. Приобретено до 1940 г. Зачитанные страницы — 75, 97.

3. «Идиот»:

The Idiot. London: J. M. Dent & Sons; New York: E. P. Dutton & Co., Inc. 1934. Приобретено в Париже, 200 франков.

4. «Униженные и оскорбленные»:

Injury and Insult. Translated from the Russian by Frederick Whishaw. 3rd ed. London: Vizetelly & Co., 1887.

5. «Бесы»:

The Possessed. Translated from the Russian by Constance Garnett. With a Foreword by Avram Yarmolinsky and a Translation of the Hitherto Suppressed Chapter "At Tihon's." New York: Modern Library, 1936. Приобретено до 1940 г.

6. «Подросток»:

A Raw Youth: A Novel. Introduction by Alfred Kazin. New York: The Dial Press, 1947.

7. Короткие романы:

The Short Novels of Dostoevsky. With an Introduction by Thomas Mann. New York: The Dial Press, 1945.

Содержание:

Игрок (The Gambler); Записки из подполья (Notes from Underground); Дядюшкин сон (Uncle's Dream); Вечный муж (The Eternal Husband); Двойник (The Double); Село Степанчиково и его обитатели (The Friend of the Family).

8. Повести, рассказы:

The Short Stories of Dostoevsky. Edited, with an Introduction by William Phillips. New York: The Dial Press, 1946.

Содержание:

Господин Прохарчин (Mr Prohartchin); Роман в девяти письмах (A Novel in Nine Letters); Хозяйка (The Landlady); Ползунков (Polzunov); Слабое сердце (A Faint Heart); Чужая жена и муж под кроватью (Another Man's Wife, Or the Husband under the Bed); Честный вор (An Honest Thief); Елка и свадьба (A Christmas Tree and a Wedding); Белые ночи (White Nights); Маленький герой (A Little Hero); Скверный анекдот (An Unpleasant Predicament); Крокодил (The Crocodile); Бобок (Bobok); Мужик Марей (The Peasant Marey); Мальчик у Христа на елке (The Heavenly Christmas Tree); Кроткая (A Gentle Spirit); Сон смешного человека (The Dream of a Ridiculous Man).

Список литературы

1. Башмакова, 2013 — Башмакова Л.П. Ричард Натаниэль Райт // История литературы США. М.: ИМЛИ РАН, 2013. Т. VI. Кн. 2. С. 595–640.
2. Достоевский, 1972–1990 — Достоевский Ф.М. Полн. собр. соч.: в 30 т. Л.: Наука, 1972–1990.
3. Морозова, 2013 — Морозова Т.Л. Три преступления: социально-психологические мотивы «Преступления и наказания» в романах Теодора Драйзера и Ричарда Райта // Европейский журнал социальных наук. 2013. № 2 (30). С. 213–220.

4. Райт, 1981 — *Райт Р.* Сын Америки / пер. Е. Калашниковой // *Райт Р.* Сын Америки. Повести. Рассказы. М.: Прогресс, 1981. С. 21–416.
5. Рокотов, 1941 — *Рокотов Т.* Творческий рост Ричарда Райта // Интернациональная литература. 1941. № 2. С. 154–157.
6. Alexander, 1971 — *Alexander M.* Richard Wright // *Richard Wright: Impressions and Perspectives* / eds D. Ray, R. Farmsworth. Ann Arbor, MI: University of Michigan Press, 1971. P. 47–67.
7. Bloshteyn, 2001 — *Bloshteyn M.* Rage and Revolt: Dostoevsky and Three African American Writers // *Comparative Literary Studies*. 2001. Vol. 38. No 4. P. 277–309.
8. Bontemps, 1953 — *Bontemps A.* Review of “The Outsider” by Richard Wright // *Saturday Review*. 1953. March 28. P. 15–16.
9. Cobb, 1979 — *Cobb N.K.* Richard Wright: Exile and Existentialism // *Phylon*. 1979. Vol. 40. No 4. 4th qtr. P. 362–374.
10. Conversations, 1993 — *Conversations with Richard Wright* / eds K. Kinnamon, M. Fabre. Jackson, MS: University of Mississippi Press, 1993. 253 p.
11. Fabre, 1973 — *Fabre M.* The Unfinished Quest of Richard Wright. New York: Morrow, 1973. 639 p.
12. Fabre, 1985 — *Fabre M.* The World of Richard Wright. Jackson, MS: The University Press of Mississippi, 1985. 268 p.
13. Fabre, 1990 — *Fabre M.* Richard Wright: Books and Writers. Jackson, MS; London: University Press of Mississippi, 1990. 299 p.
14. Frazier, 1939 — *Frazier F.* The Negro Family in the United States, University of Chicago Press, 1939. xxxii, 686 p.
15. Glicksberg, 1958 — *Glicksberg Ch.* Existentialism in “The Outsider” // *Four Quarters*. 1958. Vol. VII. No 1. January. P. 17–26.
16. Joyce, 1986 — *Joyce J.A.* Richard Wright’s Art of Tragedy. Iowa City: University of Iowa Press, 1986. 129 p.
17. Kiuchi, Hakutani, 2014 — *Kiuchi T., Hakutani Y.* Richard Wright: A Documented Chronology, 1908–1960. Jefferson, MS: McFarland, 2014. 456 p.
18. Lehan, 1959 — *Lehan R.* Existentialism on Recent American Fiction: The Demonic Quest // *Texas Studies in Literature and Language*. 1959. Vol. 1. No 1. Summer. P. 181–202.
19. Lynch, 1996 — *Lynch M.F.* Haunted by Innocence: The Debate with Dostoevsky in Wright’s “Other Novel” *The Outsider* // *African American Review*. 1996. Vol. 30. No 2. Summer. P. 225–266.
20. Magistrale, 1986 — *Magistrale T.* From St. Petersburg to Chicago: Wright’s “Crime and Punishment” // *Comparative Literary Studies*. 1986. Vol. 23. No 1. Spring. P. 59–70.
21. Margolis, 1968 — *Margolis E.* Native Sons: A Critical Study of the Twentieth-Century Negro American Authors. Philadelphia: Lippincott, 1968. 210 p.
22. Minor, 1938 — *Minor M.* The Author Discusses His Craft // *Daily Worker*. 1938. Dec. 13. P. 7.
23. Peterson, 2017 — *Peterson D.* Richard Wright, 1938–1935: From Gorky to Dostoevsky // *Literature of the Americas*. 2017. No 3. P. 162–174.
24. Richard Wright Encyclopedia, 2008 — *The Richard Wright Encyclopedia* / eds J. W. Ward, R. J. Butler. Westport, CT; London: Greenwood Press, 2008. 472 p.

25. Shelby, 2019 — *Shelby T. Freedom in a Godless and Unhappy World* // Cambridge Companion to Richard Wright. Boston, MA: Harvard University Press, 2019. P. 121–138.
26. Slotkin, 1973 — *Slotkin R. Regeneration through Violence: The Mythology of the American Frontier, 1600–1860*. Norman, OK: University of Oklahoma press, 1973. 670 p.
27. Walker, 1988 — *Walker M. Richard Wright: Daemonic Genius. A Portrait of the Man*. New York: Warner Books, 1988. 428 p.
28. Widmer, 1960 — *Widmer K. The Existential Darkness: Richard Wright's "The Outsider"* // Wisconsin Studies in Contemporary Literature. 1960. Vol. I. No 3. Fall. P. 13–21.
29. Wright, 1940 — *Wright R. Native Son*. New York: Harper and Bros, 1940. 359 p.
30. Wright, 1955 — *Wright R. I Curse the Day When for the First Time I Heard the Word "Politics"* // L'Express. 1955. October 18. P. 8.
31. Wright, 1960 — *Wright R. Interview* // L'Express. 1960. November 8.
32. Wright, 1991 — *Wright R. The Outsider*. New York: Harper Collins, 1991. 887 p.

References

1. Bashmakova, L.P. "Richard Nataniiel' Rait' ["Richard Nathaniel Wright"]. *Istoriia literatury SShA [USA Literary History]*, vol. VI, book 2. Moscow, IWL RAS Publ., 2013, pp. 595–640. (In Russ.)
2. Dostoevskii, F.M. *Polnoe sobranie sochinenii: v 30 tomakh [Complete Works: in 30 vols]*. Leningrad, Nauka Publ., 1972–1990. (In Russ.)
3. Morozova, T.L. "Tri prestupleniia: sotsial'no-psikhologicheskie motivy 'Prestupleniia i nakazaniia' v romanakh Teodora Draizera i Richarda Raita" ["Three Crimes. The Social and Psychological Aspects of *Crime and Punishment* in the Novels by Theodore Dreiser and Richard Wright"]. *Evropeiskii zhurnal sotsial'nykh nauk*, no. 2 (30), pp. 213–220. (In Russ.)
4. Wright, Richard. "Syn Ameriki" ["Native Son"]. Transl. E. Kalashnikova. Wright, Richard. *Syn Ameriki. Povesti. Rasskazy [Native Son. Short Stories. Tales]*. Moscow, Progress Publ., 1981, pp. 21–416. (In Russ.)
5. Rokotov, Timofei. "Tvorcheskii rost Richarda Raita" ["Richard Wright's Creative Growth"]. *Internatsional'naia literatura*, no. 2, 1941, pp. 154–157. (In Russ.)
6. Alexander, Margaret. "Richard Wright." Ray, David, and Robert Farmsworth, eds. *Richard Wright: Impressions and Perspectives*. Ann Arbor, MI, University of Michigan Press, 1971, pp. 47–67. (In English)
7. Bloshhteyn, Maria. "Rage and Revolt: Dostoevsky and Three African American Writers." *Comparative Literary Studies*, vol. 38, no. 4, 2001, pp. 277–309. (In English)
8. Bontemps, Arna. "Review of *The Outsider* by Richard Wright." *Saturday Review*, 28 March 1953, pp. 15–16. (In English)
9. Cobb, Nina Kressner. "Richard Wright: Exile and Existentialism." *Phylon*, vol. 40, no. 4, 4th qtr., 1979, pp. 362–374. (In English)
10. Kinnamon, Keneth, and Michel Fabre, eds. *Conversations with Richard Wright*. Jackson, MS, University of Mississippi Press, 1993. 253 p. (In English)
11. Fabre, Michel. *The Unfinished Quest of Richard Wright*. New York, Morrow, 1973. 639 p. (In English)
12. Fabre, Michel. *The World of Richard Wright*. Jackson, MS, The University Press of Mississippi, 1985. 268 p. (In English)

13. Fabre, Michel. *Richard Wright: Books and Writers*. Jackson, MS, University Press of Mississippi, 1990. 299 p. (In English)
14. Frazier, Franklin E. *The Negro Family in the United States*. University of Chicago Press, 1939. xxxii, 686 p. (In English)
15. Glucksberg, Charles. "Existentialism in *The Outsider*." *Four Quarters*, vol. VII, no 1, Jan. 1958, pp. 17–26. (In English)
16. Joyce, Joyce Ann. *Richard Wright's Art of Tragedy*. Iowa City, University of Iowa Press, 1986. 129 p. (In English)
17. Kiuchi, Toru, and Yoshinobu Hakutani. *Richard Wright: A Documented Chronology, 1908–1960*. Jefferson, MS, McFarland, 2014. 456 p. (In English)
18. Lehan, Richard. "Existentialism on Recent American Fiction: The Demonic Quest." *Texas Studies in Literature and Language*, vol. 1, no. 2, summer 1959, pp. 181–202. (In English)
19. Lynch, Michael F. "Haunted by Innocence: The Debate with Dostoevsky in Wright's 'Other Novel' *The Outsider*." *African American Review*, vol. 30, no. 2, summer 1996, pp. 225–266. (In English)
20. Magistrale, Tony. "From St. Petersburg to Chicago: Wright's *Crime and Punishment*." *Comparative Literary Studies*, vol. 23, no. 1, spring, 1986, pp. 59–70. (In English)
21. Margolis, Edward. *Native Sons: A Critical Study of the Twentieth-Century Negro American Authors*. Philadelphia, Lippincott, 1968. 210 p. (In English)
22. Minor, M. "The Author Discusses His Craft." *Daily Worker*, Dec. 13, 1938, p. 7. (In English)
23. Peterson, Dale E. "Richard Wright, 1938–1935: From Gorky to Dostoevsky." *Literature of the Americas*, no. 3, 2017, pp. 162–174. (In English)
24. Ward, Jerry W., and Robert J. Butler, eds. *The Richard Wright Encyclopedia*. Westport, CT; London, Greenwood Press, 2008. 472 p. (In English)
25. Shelby, Tommie. "Freedom in a Godless and Unhappy World." *Cambridge Companion to Richard Wright*. Boston, MA, Harvard University Press, 2019, pp. 121–138. (In English)
26. Slotkin, Richard. *Regeneration through Violence: The Mythology of the American Frontier, 1600–1860*. Norman, OK, University of Oklahoma Press, 1973. 670 p. (In English)
27. Walker, Margaret. *Richard Wright: Daemonic Genius. A Portrait of the Man*. New York, Warner Books, 1988. 428 p. (In English)
28. Widmer, Kingsley. "The Existential Darkness: Richard Wright's *The Outsider*." *Wisconsin Studies in Contemporary Literature*, vol. I, no. 3, Fall 1960, pp. 13–21. (In English)
29. Wright, Richard. *Native Son*. New York, Harper and Bros, 1940. 359 p. (In English)
30. Wright, Richard. "I Curse the Day When for the First Time I Heard the Word 'Politics'." *L'Express*, 18 October 1955, p. 8. (In English)
31. Wright, Richard. "Interview." *L'Express*, November 8, 1960. (In English)
32. Wright, Richard. *The Outsider*. New York, Harper Collins, 1991. 887 p. (In English)